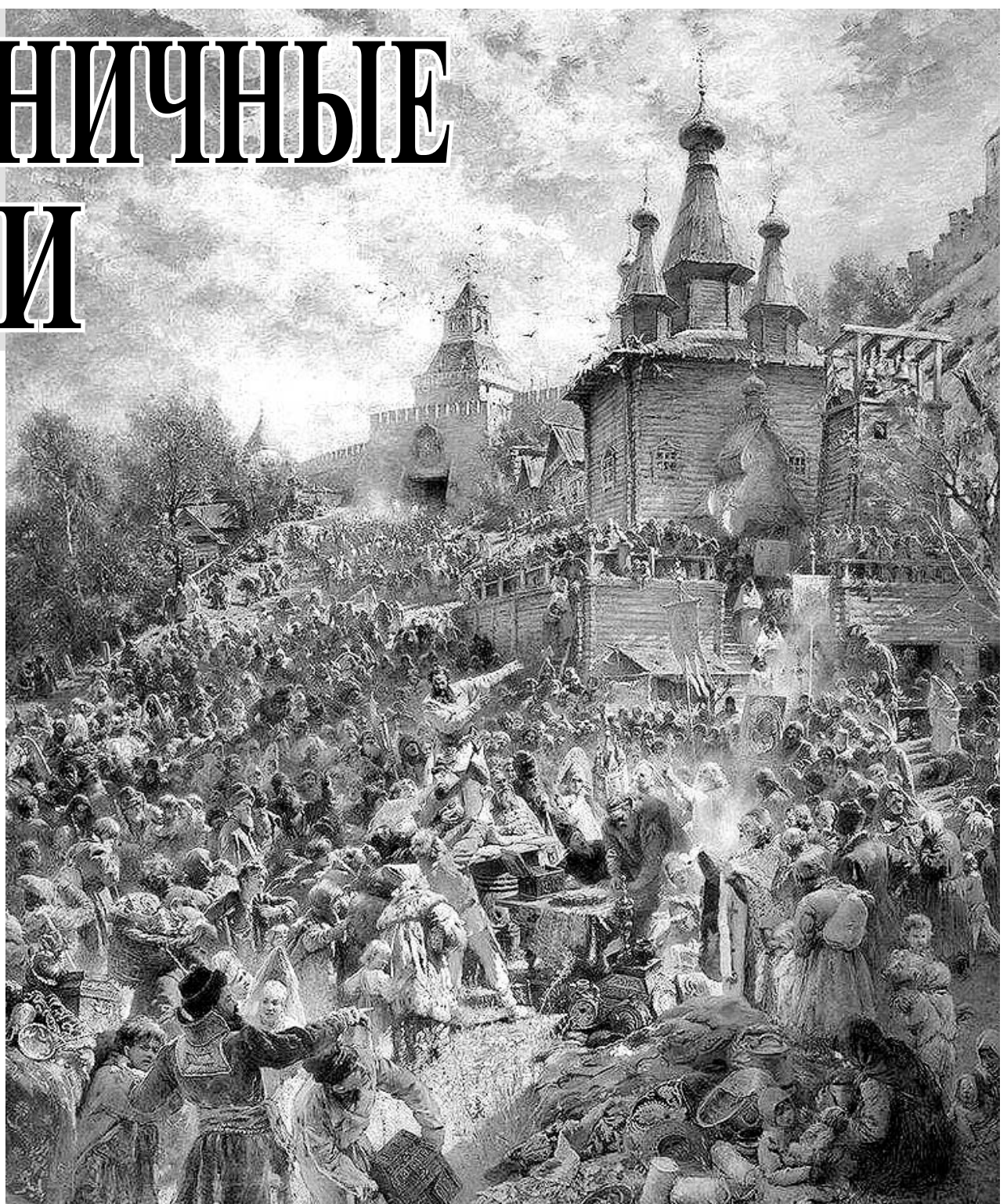

НЕПРАЗДНИЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Установление нового государственного праздника — Дня народного единства, который в России будут праздновать 4 ноября всего лишь в третий раз, многие воспринимают как призыв к межрелигиозному и межэтническому согласию нашего многоконфессионального и многонационального народа. И это, действительно, так. Ведь, если вспомнить, первыми с предложением установить такой праздник выступили в 2004 году участники Межрелигиозного совета России (представители Московского патриархата, Центрального духовного управления мусульман и Федерации еврейских общин). И в этом смысле современный государственный праздник 4 ноября сильно отличается от того, что отмечался в царской России. Тогда на первый план выносились его православная и монархическая составляющие. Да и в самом деле, велика была солидаризирующая роль православного духовенства в прекращении Великой Смуты начала XVII века — мы помним подвиг патриарха Гермогена, заморенного поляками голодом за то, что он неустанно призывал к народному ополчению против захватчиков Кремля; помним и о длительной осаде иноземцами Троице-Сергиевой лавры. Но религиозный символ праздника — Казанская икона Божией Матери — почитается в этот день особо, и только православными. Те, кто хорошо изучал историю в школе, не забыли, что именно по завершении Смуты в 1612 году в России воцарилась династия Романовых. Безусловно, более чем 300-летнее пребывание на царском троне представителей этого рода принесло России много славы, но 4 ноября — все же не праздник сторонников монархического правления.

Некоторые западные, да и наши СМИ, то ли с иронией, то ли всерьез утверждают, что 4 ноября Россия празднует годовщину (ныне 395-ю) избавления от польско-литовских захватчиков. Такая постановка вопроса, как завоевательная война Польши против России или, скажем, Литвы против России, многим сейчас может показаться смешной — как борьба Москвы и Слона. Но были времена, когда Великое княжество Литовское занимало территорию не только нынешней Литвы, но и Белоруссии, часть Украины и западной России. («В сие время (1396 г.), — пишет Карамзин в «Истории государства Российского», — уже почти вся древняя земля вятичей (нынешние Орловская губерния и части Калужской и Тульской) принадлежала Литве: Карачев, Мценск, Белев с другими удельными городами князей черниговских поддали Витовту.») И не только литовцы были нами биты (как при Александре Невском), но и мы от них терпели. Впрочем, как русские князья шли под власть литовского великого князя, так и литовцы служили Москве. Но не будем забывать, что еще в XV веке граница между нами пролегла по реке Угре (левый приток Оки). А уже когда в 1569 году княжество Литовское объединилось с Польским королевством, то не удивительно, что у наших западных соседей вполне могли зреть дерзкие замыслы завоевать не только, скажем, многострадальный Смоленск, но и Москву.

Замыслы, конечно, могли и зреть. Но тогдашний польский король Сигизмунд не объявлял войну России. (Во всяком случае, при первом самозванце.) И когда самозванец Гришка Отрепьев

шел на Москву, это была отнюдь не освободительная война против поляков. Как говорит Карамзин, тогда на Русь «ополчалась не рать, а сволочь (бродяги, праздничношатающиеся...)». Поляков, к слову, с Гришкой была практически горстка. Больше было запорожских казаков, которым всегда все равно с кем воевать, лишь бы пограбить. А уж после так называемого заговора в Кромах на его стороне больше всего было русских: всецело поглощенные собственной карьерой бояре и воеводы, а также желавшие «воровать» ратники в сермягах — одним словом, «все люди московские» — «здавалися». На подступах к Кромам небольшой отряд посланного Лжедмитрием Яна Запорского имел стычку разве что только с... татарами, которые несли здесь сторожевую службу. Татары оказались вернее русской короне, чем русские. По сути, поляки лишь «проводжали» Лжедмитрия в его свободном шествии до Москвы.

Как пишут русские источники, «в полках под Кромами немного погодя после крестного целования (после присяги новому царю Федору Годунову. — Прим. ред.) рязанцы... з братьею и с советники своими и иных заречных городов втайне вору крест целовали». Изменщики Голицыны и Басманов «подговорили князей и дворян и детей боярских Северских и Рязанских всех городов до новона человека; да новгородских помещиков и псковских и лутцких князей... и крест ростриге целовали...»

Среди русских пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем, есть и такая: «Живем в Кромах, в разных домах...» Так наши маленькие Кромы вошли в поговор-

ку об извечном русском раздразне и несогласии...

Орел, Тула были заняты войсками самозванца без сопротивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию. И воеводы дальних городов появились в лагере Отрепьева, когда он сделал остановку в Орле. Здесь Отрепьев уже настолько обнаглел от всеобщего русского предательства, что устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать: «... приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду и не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, тех же повеле переимати и разослати по темницам». Имеются сведения и о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле. Посланцы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя».

Однако же будем несправедливы, не все огульно из тех, кто жил по левую сторону от Оки, стали предателями государственных интересов — ведь были же те, кто «на дьявольскую прелесть не прельстился». Заокские города были охвачены смутой, зато замосковные (на восток от Москвы — в Нижегородском, Казанском направлениях) сохраняли верность. По сути, была гражданская война между теми, кто замыслил переворот, и теми, кто понимал, в чьих интересах этот переворот.

Что же касается самой Москвы, то здесь «прелестные» письма Отрепьева делали свое дело. Самозванец в них клеймил Бориса Годунова, царицу Марию и сына их Федьку за то, что «не жалели о земле», за то, что подвергали поборам купцов, лишая их «вольности» в торговле. Боярам он обещал «честь и повыше-

ние», торговым людям — льготы и снижение пошлин, народу — «тишину, и покой, и благоденственное житье». Агитаторы Лжедмитрия обещали всё и всем — и боярам, и дворянам, и торговым, и «середним, и черным» людям, только изгоните законного царя. Толпа жадно слушала, как обличали Годуновых, и верила, что Лжедмитрий принесет им «благоденственное житье». И население Москвы восстало — «и чернь вся, и дворян, и дети боярские, и всякие люди москвичи».

Лишь получив новость о перевороте в столице, Отрепьев 5 июня 1605 года перешел в Тулу. Если в Орле Лжедмитрия встречали хлебом-солью, то в Туле — уже как признанного в Москве царя: духовенство с крестами, воеводы, дворяне, народ... (О какой польской интервенции идет речь?)

А что же в это время в Москве? 5 июня 1605 года тело недавно умершего царя Бориса Годунова восставшие вынули из свежей могилы в Архангельском соборе «с великим поруганием: и каменья на него метати, и ногами пхати тело его, поверженное и на земле лежащее». Так московская знать и чернь надеялись задобрить самозванца. А тот уже требовал «заклечь в неволю» низложенную царскую семью, пока он «не объявил дальнейшей своей воли, с тем, чтобы истребить этих чудовищ, кровопийц и изменников...» (как же это напоминает вторую российскую смуту — уже XX века...)

Говоря о «польской интервенции», можно только отметить, что поляки напомнили о себе во время торжественной встречи Отрепьева с москвичами лишь одним — когда православные священнослужители запели

псалмы при подведении «нового царя»-самозванца к Архангельскому собору, то музыканты из польского отряда, чтобы заглушить противные их слуху православные песнопения, заиграли на трубах и ударили в литавры. Так, под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец вошел в Успенский собор к гробам царственных «отцов».

А потом был еще один преданный народом царь, потом второй Лжедмитрий, третий... По словам очевидца, келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына, «России свои терзали более, чем иноплемменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники; ляхи только смотрели и смеялись безумному междоусобию»...

На этом фоне тем более велик патриотический подвиг патриарха Гермогена, троицких монахов, замосковского ополчения, воеводы Козьмы Мининым и Дмитрием Пожарским, Ивана Сусанина... О них мы знаем с детства. Множество музыкальных, драматических, живописных произведений посвящено этим народным героям. Память об их подвиге будет жить вечно. Но смысл памятной даты 4 ноября не только в том, чтобы радостно ликовать по поводу нашего беззубого героизма в 1612 году, но и в том, чтобы на примере Смуты горестно осмысливать, каким кровавым последствиям может привести гражданское несогласие. Это нам особенно поучительно помнить сейчас, накануне выборов. Чтобы не вышло опять по Далю: «Живем в Кромах, в разных домах...»

Татьяна ПАВЛОВА.

На снимке: картина К. Маковского «Воззвание Минина».